

Образование и стартовые возможности японской молодежи

И. П. Лебедева

Аннотация. В первые послевоенные десятилетия система образования стала важным инструментом выравнивания социального ландшафта японского общества и превращения его в «общество среднего класса». Разумеется, разделение общества на классы и слои никуда не исчезло, но степень социального неравенства, жесткость горизонтальных перегородок значительно смягчились. Сравняя ситуацию 1960–1980-х гг. с современным положением дел, многие японские специалисты приходят к выводу, что система образования все больше утрачивает свою функцию обеспечения социальной мобильности и что у нынешней молодежи гораздо меньше шансов достичь жизненного успеха благодаря упорной учебе, чем у предшествующих поколений. При этом общим местом стал тезис о превращении японского общества в «разделенное» (*какуса сякай*, или *gap society*). В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать изменения, происходящие как в системе образования, так и на рынке труда, с целью ответить на вопрос, насколько радикальны эти изменения и действительно ли они подорвали такую функцию системы образования, как выравнивание стартовых возможностей молодежи.

На основе анализа статистических данных и материалов различных обследований автор приходит к выводу, что и в плане доступа к образованию, и с точки зрения возможностей трудоустройства молодежи современная ситуация в чем-то даже благоприятнее, чем в период формирования «общества среднего класса», а значит, нет оснований характеризовать нынешнее японское общество как «разделенное», с углубляющимся неравенством в сфере образования и, следовательно, в плане стартовых возможностей молодых японцев. В то же время автор подчеркивает, что сложившаяся система образования и трудоустройства японской молодежи не может не воспроизводить социального неравенства. Как прежде, так и сейчас, ее основной чертой является иерархичность, структурированность, при которой шансы полу-

чить хорошее образование, а следовательно, и хорошую работу распределяются не столько в соответствии со способностями молодых людей, сколько в зависимости от финансовых возможностей и социального положения их семей.

Ключевые слова: образование, трудоустройство, доходы семей, социокультурный капитал, неравенство.

Автор: *Лебедева Ирина Павловна*, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Education and Starting Opportunities of Japanese Youth

I. P. Lebedeva

Abstract. Over the first post-war decades, the education system has become an important tool for equalizing the social landscape of Japanese society and transforming it into a “middle-class society”. Of course, the division of society into classes and layers did not disappear, but the degree of social inequality and the rigidity of horizontal partitions softened significantly. Comparing the situation of the 1960—1980s with the current one, many Japanese experts conclude that the educational system is increasingly losing its function of ensuring social mobility, and that current youth have much fewer chances to achieve life success through persistence in study than previous generations. At the same time, the thesis about the transformation of Japanese society into a “divided” one (*kakusa shakai*, or “gap society”) became commonplace. In this article, the author attempts to analyze the changes taking place both in the education system and in the labor market in order to answer the questions of how radical these changes are, and have they really undermined the function of the education system of equalizing the starting opportunities of young people. Using the statistics and the materials of various surveys, the author shows that, in terms of both access to education and employment opportunities for young people, current situation is even more favorable than in the period of the formation of the “middle class society”, and that there is no reason to characterize current Japanese society as “divided”, with deepening inequalities in education, and therefore in terms of starting opportunities for young Japanese. At the same time, the author emphasizes that the current system of education and employment of Japanese youth reproduces social inequality. As

before, so now, its main feature is the hierarchical structure where the chances of obtaining a good education, and hence a good job, are distributed not so much according to the abilities of young people as to the financial capabilities and social position of their families.

Keywords: education, employment, family income, socio-cultural capital, inequality.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12.

E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Введение

По многим формальным показателям положение японской молодежи выглядит более чем благополучно. За исключением отдельных периодов, связанных с ухудшением конъюнктуры, в течение всех послевоенных десятилетий уровень молодежной безработицы в Японии был одним из самых низких среди развитых стран, экономика предьявляла повышенный спрос на молодую рабочую силу, и практически все желающие работать молодые японцы находили работу. При этом происходило постепенное повышение уровня образования японской молодежи: вначале этот процесс охватывал в основном юношей, но затем распространился и на девушек. Все большее число выпускников средней школы продолжали обучение в школе высшей ступени, и все большее число последних по окончании учебы поступали в университеты.

Повышение уровня образования сопровождалось не только ростом профессионально-квалификационных характеристик работников японских компаний, но и повышением их социального статуса. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, в 1960—1970-е гг. работу белых воротничков получали не только выпускники университетов, но и значительная часть выпускников школ высшей ступени. Последние становились клерками на крупных и средних промышленных предприятиях, работниками торговли, муниципальными служащими. Места же производственных рабочих, то есть синих воротничков, заполняли главным образом выпускники средних школ (то есть лица с обязательным девятилетним образованием). Позже, когда началось быстрое повышение доли молодежи, поступающей в уни-

верситеты, процесс, получивший название *ховайтокарака* (расширение слоя белых воротничков), еще больше ускорился [Татибанаки 2010, с. 126]. Во-вторых, повышение социального статуса работника могло произойти и в ходе внутрифирменного обучения, которое было одним из основополагающих элементов японской системы управления трудом. Оно имело целью повышение квалификации работников, сопровождалось их продвижением по служебной лестнице (с разной скоростью и разной степенью крутизны — в зависимости от успехов и усердия), и в результате некоторые из них достигали положения, на которое не могли бы претендовать исходя из уровня своего базового образования.

Иными словами, система образования стала важным инструментом выравнивания социального ландшафта японского общества и превращения его в «общество среднего класса». Разумеется, разделение общества на классы и слои никуда не исчезло, но степень социального неравенства, жесткость горизонтальных перегородок значительно смягчились. Этому способствовал и такой специфически японский фактор, как демократичность японской системы управления, придание высокого статуса рядовым работникам компаний, и прежде всего синим воротничкам. В частности, это проявилось в том, что разница в заработной плате между синими и белыми воротничками в Японии была значительно меньше, чем в других западных странах. А поскольку уровень дохода — это один из главных критериев отнесения к среднему классу, равенство в доходах приводило и к выравниванию социального состава японского общества. Неудивительно, что с конца 1960-х гг. более 90% японцев стали относить себя к среднему классу.

Как известно, с начала 1990-х гг. Япония вступила в период значительных изменений и в экономике, и в обществе. Почти два десятилетия экономика находилась в стагнации, резко расширились масштабы глобализации производства, на рынке труда значительно возрос спрос на непостоянных работников, начались изменения в практике найма японских компаний и т. д. И на этом фоне происходила все большая диверсификация стилей жизни и системы ценностей японцев, которая особенно заметно проявила себя в молодежной среде.

Все эти изменения вызвали всплеск интереса и в научной среде, и в средствах массовой информации к процессам, происходящим в японском обществе. При этом основным лейтмотивом стал тезис о его превращении из «общества среднего класса» в «разделенное

общество» (*какуса сякай*, или *gap society*). Что же касается системы образования, то многие исследователи склоняются к тому, что она все больше утрачивает свою функцию обеспечения социальной мобильности и что у нынешней молодежи гораздо меньше шансов достичь жизненного успеха благодаря упорству в учебе, чем у предшествующих поколений.

В данной статье будет предпринята попытка проанализировать изменения, происходящие как в системе образования, так и на рынке труда, с целью ответить на вопрос, насколько радикальны эти изменения и действительно ли они подорвали такую функцию системы образования, как выравнивание стартовых возможностей молодежи.

Предыстория вопроса

Прежде чем говорить о нынешней ситуации, необходимо кратко остановиться на том, что представляла собой система образования в период, когда в Японии шло формирование «общества среднего класса».

В это время, то есть во второй половине 1950-х — 1970-е гг., страна проходила через ускоренную индустриализацию, и для обеспечения экономики необходимыми кадрами требовалось все возрастающее число работников, способных осваивать новые знания, технику и технологию. Всеобщее бесплатное девятилетнее образование было введено еще в первые послевоенные годы, но повышение требований к качеству рабочей силы требовало и более высокого уровня общего образования. Так, за 1960–1980 гг. доля учеников, по завершении среднего образования продолживших обучение в школе высшей ступени, повысилась с 57,7 до 94,2%. За эти же годы доля выпускников школы высшей ступени, поступающих в университеты, повысилась с 13,7 до 26,1%. При этом число *танки дайгаку* (трехгодичных университетов) возросло с 280 до 517, а число полноценных (четырёхгодичных) университетов — с 245 до 446 [МЕХТ 1950-2019]. По подсчетам А. И. Соколова, за период 1956–1978 гг. экономика страны поглотила около 28 млн 400 тыс. выпускников учебных заведений. И если в 1956–1960 гг. среди вновь принятых на работу молодых людей среднее образование имели 58,7%, полное среднее (включая школу высшей ступени) — 33,7%, а университетское образование — 7,6%,

то к концу 1970-х эти показатели составили соответственно 7,9, 56,6, и 35,5% [Соколов 1982, с. 200].

Столь быстрый переход к практически всеобщему полному среднему образованию и все более широкий охват молодежи высшим образованием были связаны не только с ростом потребностей экономики в квалифицированных специалистах. В этом нашли отражение и широко распространившиеся в обществе представления о том, что образование — это эффективный инструмент повышения социального статуса, что оно имеет решающее значение для жизненного успеха, а упорный труд — ключ к получению достойного образования. Такие представления поддерживала происшедшая в послевоенный период демократизация системы образования, общий смысл которой заключался в переносе центра тяжести на оценку личных достижений (результатов) учеников, ослабление влияния на доступ к хорошему образованию их классовых корней и социальной принадлежности.

Как отмечает профессор Т. Татибанаки, на быстрое повышение уровня образования японской молодежи влиял и так называемый образовательный комплекс, свойственный многим японским семьям. Под этим он имеет в виду стремление родителей, которым в свое время не удалось получить хорошее образование, непременно предоставить такую возможность своим детям. Причем это стремление было характерно не только для тех, кто занимал нижние этажи социальной пирамиды, но и для тех, кто достиг достаточно высокого положения. Например, рядовые госслужащие мечтали о том, чтобы их дети поступили на юридический факультет Токийского университета и стали карьерными бюрократами, а успешные менеджеры, закончившие в свое время не самые известные вузы, нацеливали детей на обучение в самых престижных университетах [Татибанаки 2010, с. 57–58]. В целом же это было время, когда сыновья, как правило, получали более высокое образование, чем их отцы, и продвигались на более высокие должности.

Стремление молодых людей к получению более высокого образования стимулировала и сложившаяся в эти годы практика найма японских компаний, а именно их ориентация на наем «свежих» выпускников учебных заведений, которым предоставлялись гарантии долговременной работы, повышения квалификации, продвижения по карьерной лестнице и постепенного повышения заработной

платы. Хотя в наиболее полном виде все эти гарантии предоставлялись в крупных компаниях и государственных учреждениях, в условиях повышенного спроса на молодых работников системы, подобные пожизненному найму, в том или ином виде применяли и другие компании. Тогда же сложились и представления о карьере *сараримана* (от англ. salaryman), то есть служащего крупной компании или государственного учреждения, как идеале жизненного пути для молодого человека, гарантирующего стабильность и процветание. И многие молодые люди устремились к этому идеалу.

В условиях пожизненного найма особую значимость приобретало первое место работы, на которое попадал выпускник учебного заведения, так как от этого зависел весь его дальнейший жизненный путь. Но конкурентная борьба за лучшие места, прежде всего в крупных компаниях и государственных учреждениях, фактически начиналась не на стадии найма, а на стадии поступления в учебные заведения — будь то школа высшей ступени или университет.

Дело в том, что параллельно с демократизацией системы образования, расширением сети школ высшей ступени и университетов происходило структурирование учебных заведений, их дифференциация по степени престижности. При этом крупнейшие компании, банки и государственные учреждения ориентировались на наем выпускников наиболее известных школ и университетов, крупные и средние фирмы нанимали выпускников менее престижных учебных заведений, муниципалитеты и префектурные учреждения — выпускников местных университетов и т. д. Так как по условиям пожизненного найма компании не могли уволить работника до наступления *тэйнэн* (предельного возраста пребывания в фирме), для них было критически важным не допустить ошибки при найме выпускников, и они стали все больше полагаться на рекомендации самих учебных заведений. Постепенно между соответствующими учебными заведениями и нанимающими организациями и компаниями сложились тесные, устойчивые отношения, и дело дошло до того, что при найме выпускников наниматели стали обращать основное внимание не столько на достоинства самих претендентов, сколько на ранг учебного заведения, которое они окончили. При этом сами выпускники уже на стадии поступления в школу высшей ступени, а в еще большей степени — на стадии поступления в университет имели достаточно четкое представление о том, на какое место работы они могут рассчитывать.

Конкурентная борьба за поступление в лучшие учебные заведения была сопряжена с огромной физической и психологической нагрузкой на абитуриентов, связанной с подготовкой к аттестационным и вступительным экзаменам. Неслучайно атмосфера, складывавшаяся в период подготовки и сдачи этих экзаменов, получила название «экзаменационный ад».

Нельзя отрицать, что меритократический характер японской системы образования, то есть акцент на оценку личных результатов учеников, в определенной степени расширил доступ в престижные школы и наиболее известные университеты способной молодежи из разных слоев общества, в том числе из располагающихся на нижних ступенях социальной лестницы. И тем не менее шансы на поступление в эти учебные заведения, а следовательно, и на получение лучших стартовых возможностей были далеко не равны. В своей книге «Япония. Экономика и образование», вышедшей в 1982 г., А. И. Соколов приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что и в 1960–1970-е гг., когда происходило быстрое формирование «общества среднего класса» и резко возросло значение образовательного ценза, неравенство возможностей получения образования было достаточно очевидно. Отсылая читателя к этой фундаментальной работе, приведем лишь несколько примеров.

Как отмечалось выше, параллельно с расширением сети школ и университетов происходило усиление дифференциации между ними по степени престижности. Что касается школ высшей ступени, то их градация определялась в соответствии со средним баллом успеваемости учеников и доле выпускников, поступающих в университеты. Для того чтобы повысить шансы своего чада на поступление в престижную школу высшей ступени, многие родители уже в средней школе использовали и возможности внешкольного обучения, а некоторые прибегали к этому даже в начальной школе. Но далеко не все семьи могли позволить себе эти расходы. Одно из проведенных в середине 1970-х гг. обследований показало, что в семьях с годовым доходом менее 200 тыс. иен занятиями в *дзюку* было охвачено 20% детей, с доходом от 200 до 400 тыс. иен — 31–32%, а с доходом выше 400 тыс. иен — 40% [Соколов 1982, с. 155]. В еще большей степени это неравенство было выражено в использовании репетиторства, которое было намного дороже *дзюку*.

Разумеется, обучение в платных частных школах, которые с течением времени стали все больше конкурировать с престижными государственными школами по уровню образования и доле выпускников, поступающих в университеты, было доступно лишь детям из семей с доходами выше средних. Более того, при многих известных частных университетах возникли цепочки учебных заведений (детский сад — начальная школа — средняя школа — школа высшей ступени), при продвижении по которым «свои» дети пользовались определенными преимуществами, но позволить себе плату за обучение по всем этим цепочкам могли лишь наиболее богатые семьи.

Разного рода обследования, на которые ссылается А. И. Соколов, показали также, что уровень дохода семьи, ее социальное положение (например, образование и профессия отца) оказывают заметное влияние и на успеваемость детей, и на мотивацию, и на развитие их способностей, и на стремление поступить в вуз. При этом иерархическая структура японских школ, значительная роль внешкольного обучения приводили к тому, что различия в материальном достатке и культурном окружении детей в процессе школьного образования не только не сглаживались, но даже усугублялись.

Неравенство возможностей воспроизводилось и в сфере высшего образования. Так, в 1974 г. степень охвата высшим образованием выходцев из пяти групп семей, различающихся по уровню дохода, составила: в первой группе (с наиболее высокими доходами) — 87,1%, во второй группе — 37,8%, в третьей группе — 21,9%, в четвертой группе — 13,2%, в пятой группе (с самыми низкими доходами) — 13,9%. Финансовое положение семьи влияло не только на возможности получения высшего образования, но и на выбор ранга университета. Причем, судя по данным, которые приводит в своей книге А. И. Соколов, на фоне быстрого расширения контингента японского студенчества влияние этого фактора не только не ослабевало, но, напротив, возрастало.

С уровнем дохода тесно связано социальное положение семьи. И, как замечает А. И. Соколов, «растущая массовость высшего образования... не отменяет самой ранжировки социально-профессиональных групп по относительному доступу детей к образованию». Так, вероятность получить высшее образование (рассчитанная как произведение доли выпускников средней школы, поступающих в школу высшей ступени, на долю выпускников последней, поступающих в

вузы) для детей из семей менеджеров составляла 0,666, для детей государственных служащих — 0,430, служащих частных компаний — 0,302, для детей крестьян — 0,099, детей рабочих — 0,058 [Соколов 1982, с. 174–176].

Таким образом, даже из этого краткого экскурса становится очевидно, что система образования в Японии того периода была иерархична, шансы на поступление в престижные школы и университеты не были равными для выходцев из разных слоев населения, а следовательно, не были равными и их стартовые карьерные возможности.

Современная ситуация: возможности трудоустройства

Обратимся теперь к современной ситуации. Прежде всего, следует отметить, что все последующие десятилетия и вплоть до последних лет уровень образования японской молодежи продолжал непрерывно повышаться. Так, доля выпускников средней школы, продолживших обучение в школе высшей ступени, возросла до 97,0% в 2000 г., до 98,0% — в 2010 г. и до 98,8% — в 2018 г., а среди последних доля поступивших в университет повысилась соответственно до 39,7, 50,9 и 54,7%. Иными словами, высшее образование в Японии стало массовым. При этом по доле выпускников, поступающих в вузы, девушки не только догнали, но и обогнали юношей. Если в 2010 г. для юношей этот показатель составил 56,4%, а для девушек — 45,2%, то в 2018-м — 51,8 и 57,7% соответственно. Важно также отметить, что с начала 1990-х стало быстро нарастать число девушек, обучающихся в полноценных (четырёхгодичных) университетах, и снижаться число студенток *танки дайгаку*: за 1990–2018 гг. первый показатель увеличился с 584,2 тыс. до 1 млн 280 тыс. (в 2,2 раза), а второй снизился с 438,4 тыс. до 105,5 тыс. (в 4,2 раза) [Момбукагакусё 2004–2019].

Рост спроса на высшее образование привел к значительному расширению сети японских университетов, главным образом частных. Общее число четырехгодичных университетов увеличилось с 507 в 1990 г. до 782 в 2018 г., а число обучающихся в них студентов — с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 910 тыс. При этом почти три четверти студентов обучаются в частных вузах: в 2018 г. их насчитывалось 603 (государственных — 86, местных, то есть префектурных или городских, — 93) [Момбукагакусё 2004–2019].

Как и прежде, основной целью получения высшего образования в Японии является повышение шансов на удачное трудоустройство, что в массовом сознании ассоциируется с получением места постоянного работника, желательно в крупной или крупнейшей компании или госучреждении, где сохраняется система пожизненного найма. Статистика показывает, что шансы на получение постоянной работы действительно возрастают по мере повышения уровня образования. Так, по данным за 2018 г., среди выпускников средней школы на места постоянных работников устроились 35,4%, школы высшей ступени — 56,3%, профессиональных училищ — 66,6%, *танки дайгаку* — 66,2%, университетов — 80,9% [Момбукагакусё 2018].

При этом, несмотря на все происшедшие в экономике и обществе изменения, японская молодежь по-прежнему считает наиболее предпочтительной формой занятости пожизненный найм. Так, в 2015 г. среди молодежи в возрасте 20–29 лет «пожизненный найм с перспективой работы в одной и той же компании вплоть до достижения *тэйнэн*» (предельного возраста пребывания в фирме) поддерживали около 90% [Ямасита 2017, с. 10–11].

Насколько же доступна постоянная занятость для выпускников японских университетов и насколько велики их шансы получить работу в наиболее известных компаниях?

Очевидно, что ситуация с наймом выпускников вузов сильно зависит от состояния экономической конъюнктуры: чем она лучше, тем большая доля выпускников находит работу. Например, в 2012 г., перед стартом *абэномики*, трудоустроились 69,2% выпускников, обучение продолжили 11,8%, временной работой пробавлялись 3,5%, ничем не занимались 15,5%, а в весьма благоприятном 2019 г. — соответственно 81,4, 10,5, 1,4, 6,7% [Момбукагакусё 2012; Момбукагакусё 2019]. Что же касается трудоустроившихся выпускников, то порядка 80% из них получают постоянную работу, даже в периоды неблагоприятной конъюнктуры [Косэйродосё 2018, 2013, 2009].

Однако далеко не все они достигают желаемого — места постоянного работника в крупных и крупнейших компаниях. Судить о том, насколько доступны эти места для выпускников университетов, позволяют данные об их распределении по предприятиям разных размеров.

Таблица 1. Структура трудоустройства выпускников университетов (%)

Год	Число занятых на предприятии (чел.)					Число выпускников (тыс. чел.)
	свыше 1000	300–999	100–299	30–99	5–29	
2000	25,8	23,0	20,1	15,8	12,2	337,6
2004	27,4	17,5	16,1	13,0	18,0	342,8
2008	37,5	21,2	15,8	12,2	7,0	399,8
2010	37,1	20,2	14,6	13,7	5,2	370,6
2012	40,7	20,9	13,5	11,5	6,4	430,4
2014	40,6	19,3	18,5	8,4	4,9	564,5
2015	46,2	26,1	7,9	9,0	5,3	561,4
2016	47,9	22,3	12,2	5,8	5,5	647,3
2017	57,8	18,1	7,7	6,2	2,6	586,2
2018	53,5	23,7	8,8	3,8	3,6	528,0

Рассчитано по: [Косэйродосё 2019]

В японской статистике критерии отнесения предприятий к той или иной группе в плане масштабов бизнеса несколько различаются по отраслям. Но в целом к крупным относятся предприятия с числом занятых свыше 300 человек, к крупнейшим — с числом занятых свыше тысячи человек. Как показывают приведенные данные, в первой половине 2000-х гг. («ледниковый период») менее половины университетских выпускников попадали в крупные и крупнейшие фирмы, а остальные вынуждены были устраиваться на средние и мелкие предприятия. Но ситуация начала быстро улучшаться после 2012 г., и в последние годы (2017 и 2018) уже более трех четвертей обладателей «свежих» дипломов трудоустроивались на крупные и крупнейшие фирмы, в том числе более половины попадали в крупнейшие компании.

Иными словами, пережив трудности двух «потерянных десятилетий», японский рынок труда вернулся к состоянию более чем комфортному в плане возможностей трудоустройства выпускников университетов. При этом следует особо отметить следующие моменты.

Во-первых, постоянная занятость в крупных и крупнейших компаниях, ассоциирующаяся с карьерой *сараримана*, в последние годы стала даже более доступна, чем в период, когда Япония считалась едва ли не образцом «общества среднего класса». Так, по расчетам Д. Чиаваччи, среди юношей, закончивших школу в 1976–1985 гг., а университет, соответственно, в 1980–1989 гг., смогли стать *сарариманами* порядка 30% [Chiavacci 2008, p. 16–17]. По нашим подсчетам, среди юношей, закончивших школу в 2014 г., а университет — в 2018 г., *сарариманами* стали порядка 40%¹. Напомним также, что на карьеру, подобную карьере *сараримана*, вполне могут рассчитывать и выпускники университетов, устроившиеся в средние и даже мелкие фирмы.

Во-вторых, в отличие от практики, существовавшей в течение нескольких послевоенных десятилетий, а именно найма крупными и крупнейшими компаниями на места постоянных работников преимущественно юношей, в последние годы значительно расширился найм на эти места и девушек. Так, в период 2008–2018 гг. их доля в общем числе выпускников, трудоустроившихся в крупные и крупнейшие компании, составляла в среднем 40–45% [Косэйродосё 2019]. Конечно, здесь уместно вспомнить, что в японских компаниях существует разделение на два вида работы — комплексную (*согосёку*), предусматривающую карьерный и профессиональный рост, и обычную (*иппансёку*), связанную с выполнением разного рода офисной работы, с гораздо более скромными возможностями для профессионального и карьерного роста. Первый вид работы предназначается в основном мужчинам, а второй — женщинам [Лебедева 2019а, с. 106–131]. Однако благодаря *вимономике*, одному из наиболее успешных направлений политики С. Абэ, ветры перемен коснулись и этой сферы. Конечно, речь идет прежде всего о государственных учреждениях. Так, из общего числа новичков, принятых в 2020-м финансовом году в центральные ведомства для комплексной работы (*согосёку*), составившего 731 человек, девушек оказалось 259, или 35,4%. При этом в МИДе, например, из 30 новичков 16 — девушки, а в Министерстве юстиции — 28 из 45 [Найкаку камбо 2020].

¹ Цифра получена путем умножения доли выпускников школ 2014 г., поступивших в университет, на долю выпускников университетов 2018 г., трудоустроившихся на постоянную работу в крупные и крупнейшие компании.

В-третьих, хотя постоянная работа в крупной или крупнейшей компании и сейчас сохраняет свою ценность, в плане смены работы нынешние молодые японцы чувствуют себя гораздо свободнее, чем их ровесники, заканчивавшие вузы в 1960–1990-е гг. В те годы случаи *тютто сайё*, то есть смены работы, перехода в другую компанию, были крайне редки и воспринимались скорее как нечто неподобающее. Сейчас же немало молодых людей, получивших по окончании университета место постоянного работника в какой-либо компании, по прошествии некоторого времени покидают ее и трудоустраиваются — опять-таки на условиях постоянной занятости — в другую компанию, с более привлекательными, по их мнению, условиями работы. Так, по данным за 2017 г., в течение первых трех лет работы с крупнейшими предприятиями уволились почти четверть университетских выпускников 2014 г., а с крупных — около 30% [Косэйродосё 2017, с. 45].

Смягчились и собственно условия найма. Японские компании стали более благосклонно относиться к молодым людям, уже поработавшим в другой компании, предоставляя им такие же карьерные и профессиональные возможности, что и «свежим» выпускникам. Это же относится и к тем выпускникам, которые, не сумев трудоустроиться сразу по окончании университета, ожидают еще год до старта новой кампании найма².

Если говорить о выпускниках школ высшей ступени — следующем по массовости контингенте выходящей на рынок труда молодой рабочей силы, — то прежде всего следует отметить, что возможности трудоустройства для них всегда были более благоприятны, чем для выпускников университетов. Хотя в периоды охлаждения конъюнктуры спрос на них снижался, тем не менее соотношение между числом вакантных мест и числом претендентов на них всегда было выше 1,0. Об этом можно судить по приводимым ниже данным.

Коэффициент эффективного спроса по категории «выпускники школ высшей ступени»

1990	1995	1998	2000	2002	2004	2006	2008
2,57	1,94	1,90	1,35	1,32	1,30	1,63	1,89

² В японских компаниях наем и увольнение работников осуществляются одновременно — 1 апреля, на которое приходится начало финансового года.

2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1,32	1,32	1,38	1,57	1,85	2,05	2,23	2,53

Источник: [Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014; Statistics Bureau of Japan 2020].

Если в 1960–1980-е гг. на рынок труда выходили порядка 50–60% выпускников школ высшей ступени, то позже эта доля начала довольно быстро снижаться, и в период 2010–2018 гг. она составляла в среднем 16–18%, а на места постоянных работников устраивались порядка 60–70% из них. Как показывают данные табл. 2, в целом места в крупных и крупнейших компаниях менее доступны для выпускников школ высшей ступени, чем для обладателей университетских дипломов. Но в последние годы, в условиях благоприятной конъюнктуры, заметно возросла доля устраивающихся на места синих воротничков в крупнейших компаниях — до 43–49%.

Таблица 2. Структура трудоустройства выпускников школ высшей ступени (%)

Год	Число занятых на предприятии (чел.)					Число выпускников (тыс. чел.)
	свыше 1000	300–999	100–299	30–99	5–29	
2000	17,7	9,2	19,4	22,6	27,8	327,4
2004	22,5	19,6	19,0	22,3	15,0	282,1
2008	29,8	19,6	18,3	18,1	14,0	346,3
2010	30,6	13,1	15,5	15,8	24,8	304,3
2012	36,3	16,8	13,7	20,8	11,9	369,3
2014	32,4	15,0	13,2	21,9	17,2	521,7
2015	40,3	15,9	12,6	14,6	15,9	411,9
2016	49,0	14,1	10,6	9,2	16,7	433,3
2017	43,1	16,1	16,7	8,9	14,7	361,1
2018	44,3	14,6	9,7	18,0	12,8	402,0

Рассчитано по: [Косэйродосё 2019]

Очевидно, что, как только крупнейшие компании расширяют наем на места синих воротничков, выпускники школ высшей ступени стремятся воспользоваться этими возможностями. А поскольку различия в заработной плате новичков (ее минимальные размеры определяются законом) между предприятиями разных размеров минимальны, то очевидно, что ими движет именно стремление получить работу на условиях пожизненного найма. Так, в 2018 г. начальная заработная плата для выпускников школ высшей ступени составляла: на предприятиях с числом занятых свыше 1000 человек — 167 тыс. иен для юношей и 165,6 тыс. иен для девушек, а на предприятиях с числом занятых 10–99 человек — соответственно 168,9 тыс. иен и 159,1 тыс. иен [Statistics Bureau of Japan 2020, tab. 19–10].

Таким образом, с точки зрения возможностей получения постоянной работы, в том числе мест белых и синих воротничков в крупных и крупнейших компаниях, нынешняя ситуация на рынке труда, на наш взгляд, не претерпела драматических изменений по сравнению с периодом 1960–1980-х гг., который принято считать едва ли не образцовым в плане расширения доступа к образованию и выравнивания стартовых возможностей молодежи. Конечно, есть те, кто не имеет постоянной работы (или не стремится к этому); есть те, кто попадает на мелкие и средние предприятия — с меньшим объемом социальных гарантий, но, как было показано выше, основная масса выпускников японских школ и особенно университетов устраивается вполне благополучно.

Что изменилось в системе образования

Поскольку именно образование является ключом к жизненному успеху, обратимся к вопросу, какие изменения произошли в плане доступа к высшему образованию, так как полное среднее образование стало уже всеобщим.

Как отмечалось выше, число японских университетов за период 1990–2018 гг. увеличилось с 509 до 782 (в 1,5 раза), а число студентов — с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 909 тыс. (на 36%). Уже простое сопоставление этих цифр дает основание предположить, что поступление в университет упростилось, но более полное представление позволяет получить такой показатель, как соотношение между числом заявок на поступление в университет и числом поступивших

абитуриентов. Вот какова была динамика этого показателя в период 1990–2018 гг.:

1990	1995	2000	2002	2005	2007	2009	2012	2014	2016	2018
1,93	1,65	1,29	1,31	1,17	1,16	1,16	1,15	1,16	1,13	1,12

[*Расчитано по: Момбукагакусё 2004-2019*]

Если сопоставить эти данные с показателями периода 1960–1980-х годов, когда они составляли в среднем 1,6–1,8, то напрашивается однозначный вывод: поступление в японские университеты существенно упростилось. Об этом же свидетельствует и сокращение числа *ронин*ов, то есть выпускников, потерпевших неудачу при поступлении в университет сразу после окончания школы и повторяющих попытку по прошествии года, реже — двух лет. Например, в 1980 г. их насчитывалось 184 тыс., в 1990 г. — 278 тыс., а в 2011 г. — 85 тыс. [*Момбукагакусё 2004-2019*].

Однако поскольку при найме выпускников японские компании до сих пор продолжают ориентироваться не на информацию о студенте, а на ранг университета, накал конкуренции за поступление в наиболее престижные вузы по-прежнему чрезвычайно высок, а в некоторых из них (например, в Токийском, Кэйо, Васэда) конкурс достигает десяти человек на место. В то же время примерно 40% японских университетов недобирают нужного числа студентов [*Yano 2013, p. 63*].

По мнению специалистов Института экономических и социальных исследований М. Накамура и Т. Инуи, в целом уровень образования в государственных и местных университетах выше, чем в частных [*Nakamura, Inui 2013, p. 6*]. В то же время в рейтинге самых известных японских университетов, публикуемом ежегодно «Нихон кэйдзай симбун» (*Дайгаку бурандо ранкингу*), более половины мест (23 из 41 по данным за 2014 г.) занимают частные вузы.

Иными словами, система высшего образования в Японии, которая и прежде была неоднородной, с быстрым расширением сети частных университетов стала еще более иерархичной. Это проявляется, в частности, в широком разбросе цен на образовательные услуги, которые во всех японских университетах, в том числе в государственных и местных (префектурных и городских), — платные. Цены на обучение в государственных и местных университетах устанавливает

государство, а в частных — их руководящие органы. Так, по данным за 2020 г. в ведущем университете страны — Токийском государственном — вступительный взнос составил 282 тыс. иен, а плата за обучение — 535 тыс. иен в год. Такие же цены установлены и для других наиболее известных государственных вузов (Тохоку, Хитоцубаси, Нагойского, Осацкого, Киотоского, Токийского института технологии, Цукуба), а также для префектурных и городских университетов. Обучение в престижных частных вузах стоит гораздо дороже, при этом существуют значительные различия между факультетами. Например, в университете Кэйо на большинстве факультетов плата за первый год обучения составляет порядка 1 млн 340 тыс. иен, а за последующие годы — 1 млн 140 тыс. иен, в то время как на медицинском факультете — соответственно 3 млн 840 тыс. иен и 3 млн 600 тыс. иен. В университете Рицумэйкан на юридическом факультете плата за первый год обучения составляет 1 млн 170 тыс. иен, за последующие — 970 тыс. иен, а на факультете глобального образования — соответственно 2 млн 500 тыс. иен и 2 млн 300 тыс. иен. Еще больший разброс цен в университете Токай: на большинстве факультетов плата за обучение находится в пределах 1 млн 200 тыс. — 1 млн 900 тыс. иен в год, а обучение на медицинском факультете обходится в 6 млн 470 тыс. в первый год и 5 млн 720 тыс. иен в последующие годы (данные взяты с сайтов соответствующих университетов). Что же касается широкой сети менее популярных частных вузов, разбросанных по всей стране, то они с целью поддержания конкурентоспособности вынуждены устанавливать цены на уровне либо равном, либо ненамного превышающем стоимость обучения в городских и префектурных университетах.

Иными словами, доступ молодежи к системе высшего образования расширился, но одновременно усилилась и структурированность возможностей «входа» в эту систему.

Как отмечает японский социолог М. Яно, японские университеты отличаются следующие особенности. Во-первых, принято считать, что поступать в университет нужно сразу по окончании школы, то есть в 18 лет (в других странах такой жесткой привязки нет, в университеты поступают и гораздо более взрослые люди). Во-вторых, в отличие от других стран, где для оплаты обучения студенты широко используют кредиты на образование и разные виды спонсорства со стороны частных компаний, в Японии расходы на образование детей несут их

родители [Yano 2013, p. 65]. Это означает, что одним из главных ограничений при выборе университета выступают финансовые возможности японских семей, уровень их дохода.

В последние два-три десятилетия в Японии широко распространены представления, что в стране усиливается расслоение домохозяйств по доходам и что это становится одним из главных факторов усиления неравенства в доступе к высшему образованию. О степени неравенства в распределении доходов между домохозяйствами судят по коэффициенту Джини, показывающему степень отклонения реального распределения доходов от теоретически абсолютно равного их распределения (чем он ближе к 1, тем выше степень неравенства). Вот какова была динамика этого показателя в период 1965–2016 гг. (по доходам после перераспределения):

1965	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014	2016
0,300	0,310	0,333	0,322	0,323	0,319	0,316	0,308	0,330

Рассчитано по: [Токэй дэ миру Нихон 2008, с. 63; JLPT 2016, p. 189; Косэйродосё 2017b, с. 59; OECD]

Как показывают приведенные данные, в период 1996–2016 гг. коэффициент Джини оказался выше, чем в 1960-е. Но, на наш взгляд, это связано главным образом с изменением структуры японских домохозяйств, а именно со значительным ростом доли семей, состоящих из одного человека (то есть получателя одного дохода) — как вследствие быстрого старения населения, так и в результате роста доли не состоящих в браке молодых японок и японцев [Лебедева 2019b, с. 216–221]. Если рассмотреть тот же показатель применительно к семьям, состоящим из двух человек и более, главы которых относятся к возрастным группам 45–49 лет и 50–54 года (то есть к возрасту, когда японцы оплачивают высшее образование детей), то картина будет выглядеть несколько иначе:

<i>Возраст глав семей</i>	1994*	1999*	2004	2009	2014
45–49 лет	0,244	0,242	0,247	0,264	0,252
50–54 года	0,275	0,277	0,270	0,269	0,268

Рассчитано по: [Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014]

*Данные за 1994 и 1999 гг. — по группам 40–49 лет и 50–59 лет.

Таким образом, в группах семей, которые как раз и являются основными потребителями образовательных услуг университетов, усиления расслоения по доходам не происходит (за исключением 2004–2009 гг. в отношении группы 45–49 лет). К этому следует добавить, что в последние годы в Японии был принят ряд мер, направленных на облегчение бремени небогатых семей, чьи дети обучаются в университете. Государство выделяет субсидии университетам, которые, в свою очередь, либо снижают, либо отменяют плату за обучение для студентов из семей с невысокими доходами, причем эти субсидии предоставляются не только государственным и местным, но и частным университетам. В бюджете министерства образования, науки, культуры и спорта на 2020-й финансовый год на эти цели предусмотрено выделить 582,3 млрд иен [MEXT 2020]. В декабре 2017 г. стартовала еще одна программа — предоставление грантов на покрытие расходов на обучение и проживание детям из бедных семей, продемонстрировавшим хорошие результаты на выпускных экзаменах в школе высшей ступени. Расходы на эти цели (до 800 млрд иен в год) покрываются за счет потребительского налога [Kobayashi 2020, p. 38]. Кроме того, все большее число японских студентов прибегают к займам, которые предоставляются по линии The Japan Student Service Organization: если в 1998 г. было выдано порядка 100 тыс. займов, то в 2012 г. — 950 тыс. [Kobayashi 2020, p. 38].

Конечно, сказанное выше не отменяет очевидного факта, что при выборе того или иного университета каждая семья учитывает свои финансовые возможности. Но значительное возрастание числа японских семей, направляющих детей в университеты, говорит о том, что для большинства из них расходы на оплату обучения не являются непосильным бременем. Так, среднемесячный доход японской семьи из двух человек и более составил: в 2014 г. — 519,8 тыс. иен, в 2015 г. — 525,7 тыс. иен, в 2016 г. — 527,0 тыс. иен, в 2017 г. — 533,8 тыс. иен, в 2018 г. — 558,7 тыс. иен [Statistics Bureau of Japan 2019, p 140]. Нетрудно подсчитать, что при таком уровне дохода на оплату обучения одного ребенка в университете (государственном, местном или рядовом частном) среднестатистическая японская семья тратит порядка 1/10–1/12 своего годового дохода. Но очевидно также, что престижные частные университеты, а особенно их элитные факультеты, оказываются недоступны даже для семей со средним достатком.

Однако в действительности финансовое положение семьи начинает оказывать влияние на выбор университета гораздо раньше — еще во время обучения ребенка в средней школе. Дело в том, что, несмотря на разного рода реформы, предпринятые в сфере школьного образования, и сохранение в целом его меритократического характера, оно, как и прежде, представлено школами самого разного уровня, а выбор той или иной школы в немалой степени зависит от финансовых возможностей семьи. При этом даже в государственных начальных и средних школах, где образование бесплатное, родители несут немалые расходы на приобретение учебников, школьной формы, оплачивают питание, проведение экскурсий, внешкольное обучение детей и т. д.

О том, каковы средние расходы на образование детей на разных ступенях и в разных звеньях системы школьного образования и как уровень дохода семьи влияет на выбор той или иной школы, дают представление материалы табл. 3 и 4.

Таблица 3. Расходы японских семей на школьное образование детей (2018 г., тыс. иен)

Расходы	Начальная школа		Средняя школа		Школа высшей степени	
	Государственная	Частная	Государственная	Частная	Государственная	Частная
Всего	321,3	1598,7	488,4	1406,4	457,4	969,9
в т. ч.:						
плата за обучение	63,1	904,2	139,0	1071,4	280,5	719,1
плата за внешкольное обучение	82,5	348,4	243,6	220,3	147,9	194,0
прочее	175,7	346,1	105,8	114,7	29	56,8

Источник: [Момбукагакусё 2018]

Таблица 4. Распределение семей с разным уровнем дохода в плане выбора школ разного типа (%)

Годовые доходы семей	До 4 млн иен	От 4 до 5,99 млн иен	От 6 до 7,99 млн иен	От 8 до 9,9 млн иен	От 10 до 11,99 млн иен	Свыше 12 млн иен
Государственные школы						
Начальная	14,1	29,0	27,0	15,7	7,3	6,9
Средняя	14,2	26,1	25,4	18,7	10,1	5,4
Высшей ступени	19,9	24,2	24,4	17,6	8,1	5,8
Частные школы						
Начальная	3,0	6,0	11,4	15,0	15,2	49,4
Средняя	3,9	7,2	16,8	19,8	16,8	35,5
Высшей ступени	13,9	19,0	20,6	20,0	10,7	15,8

Источник: [Момбукагакусё 2018]

Хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, на довольно большие суммы, которые японские семьи тратят на внешкольное образование детей (главным образом *дзюку*). Во-вторых, на то, насколько по-разному складывается ситуация со школьным образованием для семей с разным уровнем дохода. Во всяком случае, начальные и средние частные школы, стоимость обучения в которых в 3–5 раз превышает стоимость обучения в государственных школах, доступны в основном семьям с доходами выше средних (в данном случае — свыше 6 млн иен).

Однако, отмечая эти моменты, следует подчеркнуть, что начальные и средние частные школы посещает крайне незначительное число учеников. Например, в 1985 г. в частных начальных школах обучалось порядка 60 тыс. детей, или 0,5% от общего числа учеников начальных школ (более 11 млн), а в 2018 г. — 1,2 % (77,8 тыс. из 6 млн 428 тыс.). В отношении частных средних школ показатели несколько выше: в 1985 г. их посещали около 3% от общего числа учеников

средних школ (175,7 тыс. из 5 млн 900 тыс.), а в 2018 г — 7,3% (238 тыс. из 3 млн 252 тыс.). Иными словами, элитарный сегмент на стадии начального и среднего образования не оказывает какого-либо существенного влияния на общую ситуацию и основная масса японских детей в эти годы обучается в государственных (местных) школах и получает примерно одинаковое образование, по желанию и в соответствии с возможностями родителей дополняемое разными видами внешкольного обучения.

По-другому складывается ситуация в школах высшей ступени. Как отмечалось выше, еще в 1970-е гг. частные школы стали все больше конкурировать с государственными по уровню образования, а главное — по такому решающему критерию, как доля выпускников, поступающих в вузы. В дальнейшем упрочению их позиций способствовало стремление все большего числа японских семей дать детям высшее образование. В последние десятилетия уже порядка 30% учеников школ высшей ступени обучались в частных школах (в 1985 г. — 28,1%, в 1990 г. — 28,6%, в 2010 г. — 29,7%, в 2018 г. — 32,2%) [Момбукагакусё 2004-2019].

Для поступления в школы высшей ступени — как государственные, так и частные, — необходимо сдать выпускные и вступительные экзамены, и, как показывают данные табл. 3, значительные расходы семей на внешкольное образование детей в средней школе как раз и связаны с необходимостью подготовить их к этим испытаниям. При этом, как отмечают японские специалисты, поскольку экзамены в японских школах проводятся в форме тестов, *дзюку* нацелены не столько на привитие детям дополнительных академических знаний, сколько на обучение их навыкам сдачи таких экзаменов. Ввиду важности такой подготовки *дзюку* даже называют «стратегическим оружием» [Ямада, Кобаяси (ред.) 2015, с. 158]. Разумеется, возможности использования этого «оружия» довольно сильно зависят от финансового положения семьи. Так, по данным за 2016 г., в семьях с годовым доходом менее 4 млн иен расходы на *дзюку* составили 217 тыс. иен, при доходе 4–5,99 млн иен — 254 тыс. иен, 6–7,99 млн иен — 313 тыс. иен, 8–9,99 млн иен — 332 тыс. иен, 10–11,99 млн иен — 411 тыс. иен, свыше 12 млн иен — 451 тыс. иен (данные по государственным средним школам) [Момбукагакусё 2018].

Если сравнивать современную ситуацию с периодом 1960–1980-х годов, который, напомним, принято считать образцовым в плане

выравнивания возможностей получения образования, то по ряду параметров можно видеть определенный прогресс. Полное среднее образование стало всеобщим; повысилась доля детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, а соответственно и семей, готовых платить за это обучение; широкое распространение получило дополнительное внешкольное образование; произошел значительный рост доли выпускников, поступающих в университеты. Но при этом от прежних времен нынешняя система сохранила такую черту, как иерархическая структура школьных учреждений.

То, в какие школы высшей ступени попадают ученики, имеет в Японии особое значение, поскольку в течение долгих десятилетий формировались устойчивые закономерности: из наиболее престижных школ выпускники поступают в наиболее известные университеты, из школ более низкого ранга — в менее известные университеты, а из рядовых школ в основном выходят на рынок труда. От ранга школы зависит и доля выпускников, поступающих в университеты. Так, одно из обследований, проведенных профессором Татибанаки, показало, что при разделении школ на четыре группы — высшего ранга, средние первого ранга, средние второго ранга и низшего ранга — доля не собирающихся поступать в университет учеников составила соответственно 14,4, 28,0, 46,8 и 86,8%. С другой стороны, среди выпускников престижных университетов 46,6% окончили школу высшего ранга, 31,8% — среднюю первого ранга, 18% — среднюю второго ранга и 3,6% — низшего ранга [Татибанаки 2010, с. 133, 134]. Иными словами, жизненные пути молодых японцев во многом зависят от того, в какую школу высшей ступени они смогут попасть.

Как показал в своей книге А. И. Соколов, социально-экономическое положение семьи и прежде оказывало влияние на выбор школы того или иного ранга. Однако, по мнению некоторых специалистов, сейчас это влияние усилилось. Например, как считает профессор Т. Кария, если прежде поступление учеников в ту или иную школу зависело от оценок, которые они получали на экзаменах, то теперь принимается во внимание и их «индивидуальность, то есть социокультурные ресурсы, которые ученики накапливают в семье. И если оценки зависят главным образом от возможностей семьи платить за *дзюку*, то социокультурные ресурсы ученика напрямую зависят от социального статуса и культурного капитала семьи, и в этих условиях дети из семей с более высоким социальным статусом получают

дополнительные преимущества [Chiavacci, Hommerich (ed.) 2017, p. 161–163]. К этой позиции близка и позиция авторов коллективной монографии под редакцией профессора М. Накамура [Накамура (ред.) 2018]. Она основана на материалах масштабного социологического обследования и посвящена оценке влияния на образование детей различных факторов, характеризующих социально-экономическое положение семьи (уровень доходов, образование родителей, профессия и должность отца, образ жизни матери, состав семьи, социальный статус других родственников и т. д.). Используя регрессионный анализ, авторы определяют степень влияния того или иного фактора на разные стороны и разные стадии образовательного процесса — от детского сада до университета. И хотя картина получается довольно пестрой, в целом расчеты показывают, что социально-экономическое положение семьи, ее культурный капитал оказывают существенное влияние на образование детей на всех стадиях этого процесса.

Однако, по нашему мнению, усиление неравенства в сфере образования происходит лишь за счет более четкого оформления полюсов социальной структуры, то есть за счет увеличения разрыва между наиболее бедными и наиболее богатыми семьями. Что же касается основной массы японских семей, то здесь, на наш взгляд, действуют факторы, которые, напротив, сдерживают и сглаживают неравенство образовательных возможностей, возникающее вследствие различий в социально-экономическом положении семей. Во-первых, как было показано выше, не наблюдается усиления расслоения семей по доходам в возрастных группах, оплачивающих образование детей. Во-вторых, социокультурный капитал, который обычно коррелирует с уровнем образования отца и его профессией, а также с уровнем образования матери, становится ресурсом, которым обладает все большее число японских семей. Такой вывод позволяют сделать следующие факты. Как известно, в стране происходит быстрое повышение доли японцев и японок, имеющих высшее образование. В поколении японцев 40–45 лет, то есть тех, у кого дети учатся в средней школе или школе высшей ступени, среди мужчин высшее образование имеют уже порядка трети, а среди женщин — около 20%. У их родителей (нынешних 65–69-летних японцев) эти показатели составляли 24,5% и 5,8% [Statistics Bureau of Japan 2012, 2017]. Кроме того, сдвиги в профессиональной структуре японской рабочей силы свидетельствуют о росте доли профессий, ассоциирующихся с более

высоким социальным статусом. Так, за 1990–2017 гг. доля специалистов (инженеров, врачей, преподавателей, юристов, ученых и прочих высококвалифицированных специалистов) выросла с 11,4 до 17,0%, а доля служащих — с 18,5 до 19,8% [Statistics Bureau of Japan 2012, 2017, table II-10; Statistics Bureau of Japan 2011, table 16–4]. В-третьих, демографические изменения, а именно сокращение числа детей в стране, облегчают процедуру поступления в школы высшей ступени, делают наиболее престижные из них более доступными, чем прежде. Так, за период 1990–2018 гг. число школ высшей ступени сократилось с 5506 до 4897 (на 18,3%), при этом сокращение произошло за счет закрытия 590 государственных (местных) школ, в то время как число частных школ увеличилось с 1289 до 1323. За то же время число учеников сократилось с 5 млн 623 тыс. до 3 млн 236 тыс., или на 40% [Момбукагакусё 2004-2019].

Однако, отмечая факторы, которые сдерживают и ослабляют влияние на доступ к хорошему образованию различий в социально-экономическом положении японских семей, мы ни в коем случае не отрицаем существования самой проблемы иерархичности японской системы школьного образования, прямым следствием которой как прежде, так и сейчас, является дифференциация шансов юных японцев в отношении продолжения учебы, будущей карьеры и жизненного пути в целом.

Заключение

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на огромные изменения, которые произошли в японском обществе за последние три десятилетия, система образования и трудоустройства японской молодежи, по сути, сохранила все черты, которые были ей присущи в период, когда в стране шло быстрое формирование «общества среднего класса», то есть в 1960–1980-е годы. Как и прежде, молодые японцы и их родители рассматривают высшее образование как инструмент, повышающий шансы на получение хорошей работы (в идеале — места постоянного работника на условиях пожизненного найма), а в случае семей с невысоким социальным статусом — и как средство продвижения вверх по социальной лестнице. При этом в плане возможностей получения постоянной работы, в том числе мест белых и синих воротничков в крупных и крупнейших ком-

паниях, ситуация на рынке труда, сложившаяся в последние годы, может быть охарактеризована как весьма благоприятная. Более того, как показали наши расчеты, в последние годы даже карьера *sararimana* стала более доступна для молодых японцев, чем в 1980-е гг.

Что касается системы образования, то по сравнению с периодом 1960–1980-х гг., который, напомним, принято считать образцовым в плане выравнивания возможностей получения образования, здесь также можно обнаружить ряд позитивных изменений. Полное среднее образование стало всеобщим, повысилась доля детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, широкое распространение получило дополнительное внешкольное образование, произошел значительный рост доли выпускников школ высшей ступени, поступающих в университеты.

Что же касается вопроса о равенстве возможностей доступа к хорошему образованию, то, не отрицая того значительного влияния, которое оказывает на эти возможности социально-экономическое положение семей, перечислим лишь факторы, которые на современном этапе смягчают и сглаживают это влияние. Во-первых, данные японской статистики свидетельствуют, что в возрастных группах, оплачивающих образование детей, не происходит усиления расслоения семей по доходам, а следовательно, не происходит и усиления влияния этого фактора на доступ к образовательным услугам. Во-вторых, вследствие быстрого повышения доли японок и японцев, имеющих высшее образование, а также в результате роста в структуре занятости профессий, с которыми ассоциируется высокий социальный статус, все большее число японских семей начинают обладать таким важным ресурсом, как социокультурный капитал, который влияет и на успеваемость детей, и на их мотивацию, и на их усердие и т. д. В-третьих, демографические изменения, а именно сокращение числа детей в стране, облегчают процедуру поступления как в школы высшей ступени, так и в университеты, делают даже наиболее престижные из них более доступными, чем прежде.

Иными словами, целый ряд факторов свидетельствует, что и в плане доступа к хорошему образованию, и с точки зрения возможностей трудоустройства молодежи современная ситуация в чем-то даже благоприятнее, чем в период формирования «общества среднего класса», и поэтому, на наш взгляд, нет оснований драматизировать ее и характеризовать нынешнее японское общество как «разделенное»,

с углубляющимся неравенством в сфере образования, а следовательно, и в плане стартовых возможностей молодых японцев.

Но при этом следует подчеркнуть, что сохраняется главная особенность японской системы образования — ее иерархичность, ранжированность школ и университетов по степени престижности. На нее накладываются отлаженные в течение десятилетий механизмы взаимодействия между школами и университетами, между школами и компаниями, между университетами и компаниями, которые сложились под влиянием особенностей практики найма и системы управления трудом японских фирм. Хотя в период депрессии, в условиях непростой экономической ситуации компании внесли некоторые коррективы в практику найма молодежи (расширив, в частности, наем на места постоянных работников молодых людей с опытом работы), характер их связей со школами и университетами не претерпел существенных изменений. А это означает, что, как и система образования, система трудоустройства японской молодежи сохраняет свою главную особенность — структурированность возможностей трудоустройства по линиям взаимосвязей, сложившихся между компаниями и учебными заведениями.

Хотя, на наш взгляд, нет оснований считать, что в последние два-три десятилетия произошло усиление неравенства в плане доступа молодых японцев к образовательным услугам и их стартовых возможностей, в то же время следует подчеркнуть, что сложившаяся система образования и трудоустройства японской молодежи не может не воспроизводить социального неравенства. Как прежде, так и сейчас, ее основной чертой является иерархичность, структурированность, при которой шансы на получение хорошего образования, а следовательно, и хорошей работы распределяются не столько в соответствии со способностями молодых людей, сколько в зависимости от финансовых возможностей и социального положения их семей. Ситуацию могла бы изменить отмена платы за обучение в школах высшей ступени и университетах, но с учетом нынешнего состояния государственных финансов Японии (и экономических последствий пандемии коронавируса) в обозримом будущем это представляется маловероятным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Косэй родосё 2017а — Косэй родосё. Синки гакусосуя-но саннэн инай рисёку дзёкё [Занятость выпускников университетов в течение трех лет после их окончания]. *Тингин дзидзё*, 2017. № 2751. С. 45-49.

Косэй родосё 2017б — Косэй родо хакусё 2017 [Белая книга по труду, здравоохранению и благосостоянию 2017]. *Косэйродосё*. 2017. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17/dl/all.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

Косэй родосё 2018, 2013, 2009 — Вакамоно но коё дзиттай тёса но гайё. Хэйсэй 30 нэн, 25 нэн, 21 нэн [Положение с наймом молодежи. 2018, 2013, 2009]. *Косэйродосё*. 2018, 2013, 2009. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c.html?fbclid=IwAR1WlIprwP87omzz6wOeMBylJvCEz0Y0bpCKVszsHTpMtfgL78EcGKphZD-E> (дата обращения: 13.05.2020).

Косэйродосё 2019 — Коё доко тёса [Обследование тенденций с занятостью]. *Косэйродосё*. 2019. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/9-23-1.html?fbclid=IwAR3JjwCwJW3piV8NqFQTi5I4Ox7c1Ch1qGaP8F3uiaPdOXmVp190esU59Uc> (дата обращения: 15.05.2020).

Лебедева 2019а — Лебедева И. П. О модели занятости японских женщин. *Ежегодник Японии 2019*. — Москва: Институт Востоковедения РАН, 2019. С.106-131.

Лебедева 2019б — Лебедева И. П. Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2019.

Момбукагакусё 2004-2019 — Момбукагаку токэй ёран [Статистический справочник Министерства образования и науки]. *Момбукагакусё*. 2004-2019. https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/koumoku.html?fbclid=IwAR3-C-3PjV149o6WBIN-0j9ScjRnrXo611J_G4Frohack8kV415Eh56ug_w (дата обращения: 10.05.2020).

Момбукагакусё 2012 — Хэйсэй 24 нэндо гакко кихон тёса [Базовое обследование учебных заведений 2012]. *Момбукагакусё* 21.12.2012. https://www.mext.go.jp/component/b_menu/other/_icsFiles/afield-file/2012/12/21/1329238_1_1.pdf?fbclid=IwAR2nQ8yNXdywi0BnH2pEc1UJ4sfyDd8EfUMSW0vN1F6mGVpnve5hFTi3d90 (дата обращения: 05.05.2020).

Момбукагакусё 2018 — Хэйсэй 30 нэндо кодомо но гакусюхи тёса [Обследование расходов на образование детей 2018]. *Момбука-*

gakusё 18.12.2018. https://www.mext.go.jp/content/20191212-mxt_chousa01-000003123_01.pdf?fbclid=IwAR2TiDstdHkiWGfnWeYbOqbpskkVDvzVyqthbeQ0I4ffWibhcrrDLx9wuRc (дата обращения: 20.05.2020).

Момбукагакусё 2019 — Рэйва ганнэн гакко кихон тёса [Базовое обследование учебных заведений 2019]. *Момбукагакусё* 20.12.2019. https://www.mext.go.jp/content/20191220-mxt_chousa01-000003400_3.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

Найкаку камбо 2020 — Дзёсэй кокка комуин но сайё дзёкё но форо-аппу [Оценка положения с наймом женщин в качестве государственных служащих]. 29.05.2020. *Cabinet Office*. 2020. https://www.cas.go.jp/jp/gaiy-ou/jimu/jinjikyoku/files/200529_followup.pdf (дата обращения: 5.08.2020).

Накамура (ред.) 2018 — *ESSM дзэнкоку тёса кара мита гакурэки, гакко, какуса* [Образование, школа, различия на основе данных полномасштабного социологического обследования]. / Под ред. М. Накамура. — Токио: Токё дайгаку сьуппанкай, 2018.

Соколов 1982 — Соколов А. И. *Япония. Экономика и образование*. Москва: Наука, 1982.

Татибанаки 2010 — Татибанаки Т. *Нихон но кёйку какуса* [Различия в японском образовании]. Токио: Иванами сётэн, 2010.

Токэй дэ миру Нихон 2008 — *Токэй дэ миру Нихон* [Япония через призму статистики]. Токио, 2008.

Ямада, Кобаяси (ред.) 2015 — *Дэта дэ ёму гэндай сякай. Райфу сутаиру то райфу косу* [Современное общество в цифрах. Образ жизни и жизненные пути]. / Под ред. М. Ямада, Д. Кобаяси. — Токио: Синъёся, 2015.

Ямасита 2017 — Ямасита М. Кигё коммюнити то Нихонтэки коё сисутэму но хэйё [Сообщество компания и изменения в японской системе найма]. *Нихон родо кэнкю дзасси*. 2017. № 686. С. 4-15.

Chiavacci 2008 — Chiavacci, D. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan. *Social Science Japan Journal*. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 5-27.

Chiavacci, Hommerich (ed.) 2017 — *Social inequality in post-growth Japan: transformation during economic and demographic stagnation*. Ed. by D. Chiavacci, C. Hommerich. — New York: Routledge, 2017.

JILPT 2016 — Labor Situation in Japan and its Analysis 2015/2016. *Japan Institute for Labor Policy and Training*. <https://www.jil.go.jp/english/lpj/general/2015-2016.html> (дата обращения: 05.05.2020)

Kobayashi 2020 — Kobayashi, M. International Comparison of Higher

Education Cost Sharing and Japanese Challenges. *Japan Labor Issues*. 2020. Vol. 4. No. 20. P.29-44.

MEXT 1950-2019 — Statistics. Overview. *Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology*. 1950-2019. <https://www.mext.go.jp/en/publication/statistics/title01/detail01/1373636.htm#06> (дата обращения: 20.05.2020).

MEXT 2020 — MEXT FY 2020 Budget Highlights. *Ministry of Education Culture, Sports, Science and Technology*. 2020. https://www.mext.go.jp/en/unesco/mext_00002.html (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2012. — Employment Status Survey. *Statistics Bureau of Japan* 2012. <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&oukei=00200532&tstat=000001058052> (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2017. — Employment Status Survey. *Statistics Bureau of Japan* 2017. <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&oukei=00200532&tstat=000001107875> (дата обращения: 05.05.2020)

Nakamura, Inui 2013 — Nakamura, M., Inui, N. The Returns to College Quality in Japan. Does Your College Choice Affect Your Earning? *ESRI Discussion Paper Series*. 2013. November No. 306. P. 1-37.

OECD — OECD Income Distribution Database (IDD). *Organisation for Economic Co-operation and Development* <http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014 — National Survey of Family Income and Expenditure. *Statistics Bureau of Japan*. 1999, 2004, 2009, 2014. <https://www.stat.go.jp/english/data/zensho/index.html> (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2020 — Statistical Handbook of Japan 2020. *Statistics Bureau of Japan*. 2020. <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/1431-19.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 2019 — Statistical Handbook of Japan 2019. *Statistics Bureau of Japan*. 2019. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2019all.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 2011 — Statistical Handbook of Japan 2011. *Statistics Bureau of Japan*. 2011. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2011all.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

Yano 2013 — Yano, M. Japan's New Recruits: Victims of the Japanese-Style Family and Japanese-Style Employment. *Japan Labour Review*. 2013. Vol. 10. No. 1. P. 62-80.

REFERENCES

Cabinet Office (2020, May 29). *Josei kokka kōmuin no saiyo jōkyō no forōappu* [Follow-up on the Situation with Employment of Women as State Employees]. Retrieved August 8, 2020, from https://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/jinjikyoku/files/200529_followup.pdf (In Japanese).

Chiavacci, D., Hommerich, C. (Eds). (2017). *Social inequality in post-growth Japan: transformation during economic and demographic stagnation*. Routledge.

Chiavacci, D. (2008). From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan. *Social Science Japan Journal*, 11 (1), 5-27. <https://doi.org/10.1093/ssj/jyn022>.

Japan Institute for Labor Policy and Training (2016). *Labor Situation in Japan and its Analysis 2015/2016*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/ljsj/general/2015-2016.html>

Kobayashi, M. (2020). International Comparison of Higher Education Cost Sharing and Japanese Challenges. *Japan Labor Issues*, 20 (4), 29-44.

Lebedeva, I. P. (2019). O modeli zanyatosti yaponskikh zhenshchin [On the Employment Model of Japanese Women], *Ezhegodnik Yaponiya*, 48, 106-131. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10005 (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2019). *Yaponskiy rynek truda v XXI veke . Ekonomicheskiye i sotsialniye problemy* [Japanese Labor Market in the 21st Century. Economic and Social Problems]. Institute of Oriental Studies (In Russian).

Ministry of Education Culture, Sports, Science and Technology (2020a). *MEXT FY 2020 Budget Highlights*. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/en/unesco/mext_00002.html

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2012, December 21). *Heisei 24 nendo gakkō kihon chōsa* [School Basic Survey 2012]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/component/b_menu/other/_icsFiles/afieldfile/2012/12/21/1329238_1_1.pdf?fbclid=IwAR2nQ8yNXdywi0BnH2pEc1UJ4sfyDd8EfUMSW0vN1F6mGVpnve5hFTi3d90 (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2018, December 18). *Heisei 30 nendo kodomo no gakushyūhi chōsa* [Survey on

Expenses for Children Education 2018]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/content/20191212-mxt_chousa01-000003123_01pdf?fbclid=IwAR2TiDstdHkiWGfnWeYbOqbpskkVDvzVyqthbeQ0I4ffWibhccrDLx9wuRc (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2020b). *Statistics. Overview. 1950-2019*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mext.go.jp/en/publication/statistics/title01/detail01/1373636.htm#06>

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2020c). *Mombu kagaku tōkei yōran* [Statistical Data Book of the Ministry of Education and Science] 2004-2019. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/koumoku.html?fbclid=IwAR3-C-3PjV149o6WBiN-0j9ScjRnrxo6I1J_G4Frohack8kV415Eh56ug_w (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2019, December 20). *Reiwa gannen gakkō kihon chōsa* [School Basic Survey 2019]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/content/20191220-mxt_chousa01-000003400_3.pdf (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2017a). Shinki gakusotsusha-no sannen inai rishoku jokyō [Employment of University Graduates for Three Years after Graduation]. *Chingin jijō*, 2751, 45-49. (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2017b). *Kosei rōdō hakushō 2017* [White Paper on Health, Labor and Welfare 2017]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17/dl/all.pdf> (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2019a). *Koyō dōkō chōsa* [Survey of Employment Trends]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/9-23-1.html?fbclid=IwAR3JjwCwJW3piV8NqFQTI5I4Ox7c1Ch1qGaP8F3yiaPdOXmVp190esU59Uc> (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (n.d.). *Wakamono koyo jit-tai chōsa-no gaiyo. Heisei 30 nen, 25 nen, 21 nen* [The Situation with Youth Employment. 2018, 2013, 2009]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c.html?fbclid=IwAR1WIIpwP87omzz6wOeMBylJvCEz0Y0bpCKVszsHTpMtfgl78EcGKphZD-E> (In Japanese).

Nakamura, M. (Ed.) (2018). ESSM zenkoku chōsa kara mita gakureki, gakkō, kakusa [Education, School, Disparity through the Data of ESSM Survey]. Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Nakamura, M., Inui, N. (2013, November) The Returns to College Quality in Japan. Does Your College Choice Affect Your Earning? *ESRI Discussion Paper Series* No. 306, 1-37. http://www.esri.go.jp/jp/archive/e_dis/e_dis306/e_dis306.pdf

Nihon tokei kyōkai (2008). *Tōkei de miru Nihon 2008*. [Japan through the Prism of Statistics]. Nihon tokei kyōkai. (In Japanese).

Organization for Economic Cooperation and Development (2020). *Income Distribution Database*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm>

Sokolov, A. I. (1982). *Yaponiya. Ekonomika i obrazovaniye* [Japan. Economy and Education]. Nauka. (In Russian).

Statistics Bureau of Japan (2020). *Statistical Handbook of Japan 2020*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2020all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (2019). *Statistical Handbook of Japan 2019*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2019all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (2017). *Employment Status Survey 2017*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001107875>

Statistics Bureau of Japan (2012). *Employment Status Survey 2012*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001058052>

Statistics Bureau of Japan (2011). *Statistical Handbook of Japan 2011*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2011all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (n.d.). *National Survey of Family Income and Expenditure, 1999, 2004, 2009, 2014*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.stat.go.jp/english/data/zensho/index.html>

Tachibanaki, T. (2010). *Nihon no kyōiku kakusa* [The Disparities in Japanese Education]. Iwanami shoten. (In Japanese).

Yamada M., Kobayashi D (Eds). (2015). *Dēta de yomu gendai shakai. Raifu sutairu to raifu kōsu* [The Modern Society through Data. Life Style and Life Cycle]. Shinyōsha. (In Japanese).

Yamashita, M. (2017, September) *Kigyō comyunity to Nihonteki koyō shisutemu no hen'yō* [Company Community and Changes in Japanese-style Employment System]. *Nihon rōdō kenkyū zasshi*, 686, 4-15. <https://www.jil.go.jp/institute/zassi/backnumber/2017/09/pdf/004-015.pdf> (In Japanese).

Yano, M. (2013). Japan's New Recruits: Victims of the Japanese-Style Family and Japanese-Style Employment. *Japan Labour Review*, 10(1), 62-80. https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2013/JLR37_yano.pdf (In Japanese).